

Между неподвижностью и движением

18+

ВНУТРЕННЕЕ И ВНЕШНЕЕ

Повесть

ТУРО

Туро

Внутреннее и внешнее

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Туро

Внутреннее и внешнее / Туро — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Молодой писатель, музыкальный критик, подрабатывающий журналистом в Англии, отправляется за океан, в Канаду, чтобы изменить свою жизнь в лучшую сторону. Там ему предлагают работу, и, шагая по новому пути, он полон надежд и хочет вырваться из того полумёртвого состояния, в котором себя ощущает. Но первые дела на новой работе рушат все его ожидания: встречаясь поочередно с двумя необыкновенными гитаристами, чтобы написать о каждом блистательную статью, он встречается с настоящим представлением о том, что есть звук и тишина мира, что есть движение и неподвижность жизни, что есть внутреннее и внешнее человеческой души. Две встречи, такие разные и волнующие, заставят его почувствовать себя между огнём и льдом, впервые ощутить настоящую жизнь, узнав, чем она может быть и каким образом она может быть завершённой.

© Туро, 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Часть I	5
I	6
II	10
III	13
IV	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Часть I

Неподвижность и движение

Однажды, в один трудный день, кто-то посмотрит на небо и увидит, что оно неподвижно; и промчится в голове мысль о том, что небо это было, есть и будет неподвижным вечно.

I

Уже очень давно я работал журналистом в редакции “Tune Recording” и писал статьи о необъятном мире музыки. Совсем молодым я в последний раз закрыл двери университета, по ступеням спустился к дороге и навсегда затерялся в потоке взрослой жизни. Тогда, без возможности видеть иную перспективу, я нашёл место в этой редакции, журналы которой посмел бы даже назвать популярными, и заставлял себя вычерчивать не то что рецензии и отзывы, но самые простые предложения. Дело в том, что я ждал шедевров от наших музыкальных исполнителей; искренне и, главное, по-своему любя музыку, я уставал от толстых и тугих звучаний, совокупность которых напоминала излияния множества холодных разноцветных лучей, ослепляющих и, к сожалению, не позволяющих почувствовать истинный смысл звука. Усталость моя превращалась в раздражение; раздражение перерастало в злость, а злость выливалась на бумагу: я много критиковал, не пытаясь ставить себя на место музыканта, ничего не боясь и считая, что делаю свою работу правильно. Вскоре редакторы прозвали меня «критической атакой», затем начали в лицо угрожать мне, что со своими необдуманными словами и резким мнением я провалюсь «прямо на литературное дно». Все они без исключений вносили правки в мои работы, с ними я вынужден был соглашаться; но это никак не могло заставить меня успокоиться и послушаться советам, и я, к тому же, даже не думал покидать редакцию, чтобы освободить себя от их требований. Вместо этого я пытался излагать мысли чуть сдержаннее, менее агрессивно, что не нравилось моему молодому рассудку: он враждовал и не соглашался со всем, что я делал.

Наступило лето – самое светлое время на нашей планете. Но свет его никогда не мог растопить тот лёд, которым я сам покрывал себя. За тот первый год под покровительством журнала внутри меня холодный и тёмный сад моей души стал окружённым изгородью, камни которой я сам клал друг на друга, надеясь, что снаружи что-нибудь поменяется и что крупные внешние изменения разрушат воздвигаемую мною стену, убьют мрак, позволят свету согреть мои прекрасные растения в саду, – а я знал хорошо, что они прекрасны, – в то время как мысли мои не менялись, что начинало пугать меня; и себялюбивый дьявол внутри меня продолжал дышать тем же воздухом, каким пытался дышать и я.

Тогда, как и для огромного множества людей, делать и думать были несоотносимыми понятиями для меня; я думал гораздо больше, чем делал, полагая, что думать и понимать есть очень просто, если не элементарно, и прекрасно понимая, что именно действие составляет тяжёлый труд. Более того, я считал ясное понимание началом нацеленной работы, началом создания чего-то важного и имеющего смысл. Если я знал, что не понимаю что-либо и не осознаю важность дела, то не заставлял себя делать то или иное, ведь это вышло бы неправильно. И слово «правильно» стало почему-то в высшей степени ценным в то время. Действовать согласно ожиданиям окружающих людей, то есть «правильно», казалось мне скучным, некрасивым и жалким. Я видел, как поступали некоторые люди в некоторых ситуациях, когда было необходимо что-либо предпринять и действовать. В те моменты я ожидал от них индивидуального решения, проявления своих неповторимых качеств, но, в конце концов, лицеизрел обыкновенный выбор в пользу того, чтобы сделать так, как сделал бы любой другой человек, или так, как того ожидали другие, то есть все, кроме меня. В моментах проявления нерешимости, трусости, желания не выделяться я никогда не оказывался; мне никогда не было стыдно или неловко за обыкновенные, порой даже очень глупые ошибки, даже когда надо иной смеялись окружающие, считавшие мои решения и поступки неправильными. Но всё же, поступая так, как я считал нужным и правильным по-настоящему, я был не свободен. В той далёкой молодости у меня не было альтернативной дороги, на которую я с радостью перебежал бы, если б отчётливо видел, в какое важное место она ведёт; и это самое худшее время молодой

жизни, когда у молодого человека нет ни альтернативы, ни даже выбора и собственного мнения в двадцать лет. Мнение, выбор у меня были, но вряд ли они могли куда-либо меня направить. Позже я осознаю, что в то время мне не хватало той заветной, высокой мечты, которую хранит в сознании почти каждый молодой человек. Но вот я добрался до широкой круглой площади, от которой в разные стороны тянулось множество дорог; я попытался смотреть вдаль, но за горизонт не посмотришь, не имея опыта, поэтому пришлось выбирать, почти угадывая, своё направление. Выбранный наугад путь оказался не таким уж плохим, но вот показалась очередная площадь, на этот раз менее широкая, и начала представлять мне свои туманные дороги, и мне повезло: наступило долгожданное лето, а лето есть лучшая альтернатива для молодого человека из всех, что можно было бы иметь.

Одним солнечным днём главный редактор из общества “Free Writers Society” отправил мне письмо, которое я вскоре получил и строки которого содержали одно незабываемое предложение: «Мы заинтересованы в вашем огненном энтузиазме». Он предложил мне покинуть “Tune Recording” и «принять участие в новом полёте союза литературы и звука». Многие писатели рассказывали мне, как интересно и трудно работать для журнала “About The Sound”, как много свободы имеет каждый работник в его редакции; рассказывали о том, что у журналистов развязаны руки, когда они пишут статьи и рецензии на интереснейшие темы, оформляют интервью с необычными людьми, путешествуя по всему земному шару и окунаясь в разнообразный мир музыки. После этого я незамедлительно уволился, доставив нашему боссу одновременно и раздражение, и весёлое настроение в одном бокале с помощью таких слов: «Только острый нож способен добраться до тревожного и испуганного сердца читателя. Тот нож, которого нет больше у вас, потому что я покидаю ваше слепое падение!» Эта очень смешная и очень странная фраза навсегда осталась в моей памяти, из которой впоследствии часто пропадали воспоминания. Действительно, то были очень забавные слова, однако я видел в них правду, пишу я, не забывая о том, что тогда, в первый год работы, я лишь хотел говорить и писать, а не слушать или читать.

День за днём я ждал ответ на отправленное мной письмо с моим согласием, и вскоре он пришёл. С большим волнением я разглядывал адрес со своим именем:

“Toby Ofori
14, Light Yard Avenue
Dameton, England
2 June, 2014”

Но чуть позже, посчитав свои волнение и медлительность за проявление слабости, раскрыл конверт, достал из него лист бумаги и прочёл:

«Уважаемый Тоби, мы благодарим вас за ответ. Мы рады, что вы согласились, и будем ожидать вашего прибытия в наш офис на West Road, 87. Мы отправляем вам все необходимые средства, чтобы вы без затруднений пересекли океан. На Южном Берегу для вас уже арендован дом – лучшее, что мы могли найти.

Когда вы придёте, мы поговорим об условиях работы с глазу на глаз. Просим не волноваться, ведь это естественно для такой большой компании, как наша, иметь небольшой свод нестрогих правил, о которых вам будет сообщено. Также мы обсудим то, как, где и с кем вы будете работать. Наконец, мы оформим контракт; а если вы измените своё решение, то мы поможем вам вернуться обратно.

Нетерпеливо ждём встречи с вами и надеемся, что вы без проблем доберётесь до нашей редакции именно тем способом, который предлагается нами.

С наилучшими пожеланиями,

Дэйв Роф, управляющий директор About The Sound Company»

Вместе с письмом в конверте были деньги и билет на лайнер, который должен был доставить меня в Канаду, то есть далеко не центр музыкального мира, но в страну, где печатается

известный журнал о музыке в свободной редакции, в которую многие журналисты не рисковали присылать свои резюме, так как полагали, что не справятся с возлагаемыми на них обязанностями, но я оказался не из их числа.

Содержание письма не испугало меня, а скорее удивило и слегка разозлило. Я не ожидал, что ко мне будут обращаться как к какому-нибудь непослушному юноше в презрительно-подобострастном тоне (тогда мне показалось, что письмо содержало именно такое обращение). Однако каждое слово веяло щедростью, конфиденциальностью и в то же время простотой, как мне показалось в порыве радости. Я не мог понять, почему не самолёт доставит меня к месту работы, а корабль. И всё-таки перемена закинула меня на палубу круизного лайнера и определённо на машину, которая помогла мне заглянуть в глаза своему желанию, которое состояло в том, чтобы свободно писать о музыке и чтобы читатель мог оценивать мои мысли, соглашаться с ними или категорически не соглашаться; в любом случае, мне необходима была реакция, обратная связь, а отсутствие же их злило меня больше всего; но теперь я был уверен, что у меня появится строгий читатель.

В то мгновение, держа в руке яркий билет с изображением огромного пассажирского судна, я подавил в себе сладкие чувства, решив, что радоваться пока нечему, да и некогда; нужно было всё обдумать. Впоследствии кто-то скажет мне, что в этом-то и состояла причина, почему я никогда не сумел погрузиться во внутренний мир музыки: я подавлял свои чувства и много думал. Возможно, в поиске смысла в музыкальных композициях, я очень часто не обращал внимания на силу звука, на те образы, чувства, переживания, которыми бывает переполнено звучание; не пропадал в той удивительной атмосфере, которая создаётся гениями-исполнителями в их творениях. И, наверное, я бы разорвался на части, если бы продолжал воспринимать окружающее лишь через свой неутомимый разум. Прекратить это мне отчасти помогло моё путешествие и то, что произошло со мной впоследствии.

Итак, я всё обдумал, наконец, и решил, что во что бы то ни стало я не вернусь обратно в это лето; и через два дня я нёс чемодан в каюту, затем глядел в окно, где виднелся освещённый солнцем порт; я прогуливался по коридорам, избегая встречи глазами с проходящими мимо меня людьми, немного покачиваясь из стороны в сторону; на душе у меня было и светло, и беспокойно. Я качался, и чувства мои качались: то я возбуждался от ярких лампочек в роскошных комнатах, от взглядов красивых улыбающихся девушек и от того, что ждёт меня впереди, и от того, что я ещё ни разу не был на корабле и что мне всё это очень нравится; то пройдёт мгновение, и вот я уже ощущаю неровность под ногами, становится неприятно от скопления большого количества людей в ресторане, от шума, смеха, грохота, кружащих мою голову вместе с едва покачивающимся полом, и тогда я переставал видеть, что находилось передо мной, падал на стул и бросал потерянный взор на огромную ослепительную люстру, высоко висевшую над белым столом.

Яркая обстановка моего путешествия через океан напомнила мне о той светлой музыке, которая рисует улыбку на лицах тех, кто слушает её. Воображение заполнилось разными звуками, отражающимися в голове и несущимися по всему океану, и, словно во сне, маленький кораблик, летевший по поверхности воды, был переполнен людьми, праздновавшими что-то в течение всего круиза не останавливаясь. В воображении полусна виднелись разноцветные лучи, громкая музыка, звонкий смех и моё отсутствие. Я находился рядом, просто наблюдая за праздником; я хотел быть вместе с этими счастливыми, пусть только сейчас, но по-настоящему счастливыми леди и джентльменами. Я пытался плыть к медленно летящему кораблику, но огромная волна откуда-то появилась в тиши и ударила меня; напрасны были мои попытки, и солнце садилось за горизонт, и звуки праздника утихали, пропадая вдаль, а я утопал, не позволяя горьким чувствам дарить мне силы, в глубокой мрачной толще воды.

Но то было лишь сном, а сейчас я вижу, как стоял на палубе, облачиваясь на белую металлическую ограду, и смотрел вдаль – туда, откуда я начал свой новый путь, на ту неши-

рокую площадь, одна из всех дорог которой неожиданно осветилась. Горизонт застыл в глазах моих; за ним оставалась моя прежняя жизнь, от которой я убегал куда-то, но воспоминания из которой я обещал себе никогда не оставить. Свежий ветер дул мне в лицо. Как и разум мудрого старца, моя голова наполнена картинками из прошлого. Но дует ветер и сдувает самые тусклые и ненужные из них, исчезновению которых я никак не препятствую. И в это время, стоя перед закатом над бесконечным океаном, я не чувствовал, а думал, к сожалению. И думал я о дорогах; сравнивал несущиеся по асфальту автомобили с летящими по неподвижной водной глади кораблями, представлял грациозно и медленно парящую в неподвижном воздухе птицу. Я стоял в задней части лайнера и видел, как внизу две белые линии пены расходились из-под корабля в разные стороны, образуя узкий треугольник, такую форму появляющейся и сразу же исчезающей дороги океана.

II

Спустя мучительную неделю лайнер причалил в порте Галифакс. В разгар дня прекрасный полукруглый берег был переполнен лодками, кораблями и пассажирскими судами. Чуть дальше набережной длинный каменный пляж границей раскинулся между синим океаном и зелёным парком. Я видел, как много людей спешили, бежали с волнением в глазах, пытаясь либо покинуть родные земли, либо вернуться к ним. На их губах несложно было читать слова «hello!» или «goodbye!», кто-то с улыбкой обнимался с близкими людьми, встречающими; кто-то чуть ли не плакал, тоже обнимая знакомых, провожающих. У всех был дом, в который невероятно радостно вернуться и который невероятно грустно покидать, и так происходит чаще всего. Я знал двух или трёх приятелей, не имеющих родного дома; они называли себя «жителями открытого мира», жили то здесь, то там и рассказывали мне, как много поразительного смогли они увидеть и как много удивительных уголков мира смогли посетить, причём рассказывали в самых разнообразных тонах. Когда я писал о музыкальных турах, я тоже не мог не использовать палитру красок. Я описывал всё: от цвета гитары до цвета крыши гостиницы, с которой однажды чуть не свалился один смелый гитарист. Мне казалось, что у меня получалось рисовать обстановку и топить в ней читателя, и каждый раз, передавая с помощью бумаги и ручки рассказы музыкантов, я поражался тем, насколько разными они были – и музыканты, и рассказы. Поражался также и от их самых разных мыслей; иногда от того, как они описывали нечто чувственное или свои переживания и как честно улыбались или хмурились при этом. В такие моменты времени человек с его умом, художник, рождает мысль, которая говорит ему идти вперёд и творить. «Наша планета – наш огромный дом, и каждая дорога открыта для нас, брат. И если это не так, то мы не понимаем человека, противостоящего этому, – того, кто делит общий дом», – говорил мне один из таких людей, впечатлительных и романтических, – словом, не таких, как я. Я не был особо сентиментальным, но и мне удавалось, слушая их рассказы, кое-как ощущать себя частичкой нашей планеты; чувствовать, что роль выбора и принятия решений, куда идти и что делать, принадлежит лишь мне.

Мой дом был далеко; год за годом становилось тяжелее и тяжелее жить с родными. Они, без сомнений, были хорошими людьми. Всё то, что они дали мне, я ценил всегда. Я не мог понять, как такие спокойные и доброжелательные люди могли быть родными такого эгоиста, как Тоби. Сквозь прошлое я вижу единственного в семье ребёнка, постоянно дерущегося с другими парнями, вечно не соглашающегося ни с кем. Он отлично учился, получал высшие оценки в школе, но не знал, для чего он это делает и чего он должен ожидать от дальнейшей жизни. Одиноким счастливчиком, боец, который был лидером, но лидером, которого не признавали и боялись. Для меня школа была пустотой, которая хотела высосать из меня моё жгучее мнение, за смех над которым я мог жёстко ударить, ранить резким правдивым словом, безжалостно обидеть одноклассника или учителя и вообще любого человека, который хотел навязать мне свой взгляд на что-либо; по молодости я не хотел компромиссов, думая, что в столкновении всегда один оказывается правым, потому что истина всегда одна, она неоспорима. Я знал, что таких людей, как я, мало, что я особенный. Я был умнее других и старался сдерживать себя по отношению к требованиям общества, чтобы не отдалиться от него окончательно. Невозможное соединилось во мне: невероятный механический ум и жёсткий горячий характер. Тогда я не понимал этого и не пользовался силой, данной именно мне, как следовало бы. Но, наверное, если бы и понимал, то не знал бы, к чему в точности её прикладывать. Тогда книга, музыка, картина и улица – эти друзья учили меня. Другим же нужна была школа, но только не мне, пылающему огню, которого все пытались потушить текучей водой размеренности своей жизни.

Мой дом был далеко. В прошлом году я не мог видеть его из-за высоких гор, теперь он скрылся от моих глаз за океаном. Но нечего было терять, почти нечего, так как у меня не было ни друзей, ни любви. Я ощущал себя бесчувственным человеком. Иногда мне казалось, что я даже не любил своих родителей, тех самых близких мне людей, всегда заботившихся обо мне, но, к счастью, однажды мне приснился сон, в котором я увидел такое событие: пропал отец, а мать шла от меня прочь в темноте, тогда я не отпускал её, крепко сжимая её руку, но она не замечала меня, и позади меня был мрак, и я боялся остаться в одиночестве; вдруг из мрака вышел отец, он обнял маму. Они не смотрели на меня, и из-за этого мне стало страшно одиноко. Я проснулся и ощутил нечто и понял, что чувство таится где-то глубоко во мне; к тому же, мне казалось, что какая-то пустота разрушает все самые сильные чувства внутри меня, из-за чего я жил, следуя только за своими гневом, радостью, раздражением, грустью, то есть за мимолётными спутниками моего юного сердца. Скорее всего, я был трудным, но неплохим сыном, но пустота в сердце заглушала любые проявления любви, а голова не знала смысл в этом чувстве. И как только я слышу слово «голова», то сразу вспоминаю боль. Когда я был молод, она болела постоянно: каждый час, каждую минуту, каждую секунду; я ощущал давление и думал, что она вот-вот расколется. «Послушай, милая головешка, это наш новый друг, боль, знакомься!» – раздражённо повторял я в уме, сжимая пальцами виски и сильно щурясь. Пришлось даже обратиться к доктору, от которого ничего не удалось узнать. Я представлял, что сотни невыпущенных наружу мыслей, как клинки, врезались в мой разум, но не позволяли крови вытекать, из-за чего она давила, причиняя невыносимую боль.

Признаться, мои мысли были тёмными. Они напоминали запутанные ходы, и их суть всегда пропадала, но оставляла во мне какое-то отношение к чему-либо, руководящее мной. Часто я не мог понять то, что залетало в мой разум и что оно хотело сообщить, не мог также выразить сложную мысль словами, отчего знал, что не стану великим писателем. В один момент я попробовал отключиться, не думать. Я приказал себе закрыть глаза и сказал мысленно: «Всё хорошо. Неизведанное заполняет этот мир, и ты думаешь об этом. Успокойся, ты всё равно не сможешь ничего изменить или узнать. Ты думаешь, но не действуешь. Счастливый человек – глупый человек, кто на всё закрывает глаза. Отпусти всё, не волнуйся...» К счастью, это были последние слова, и что-то заставляло меня продолжать искать и бороться, а не «отпускать всё». Гораздо позже я бы сказал, что молодой человек – глупый человек, который открывает глаза лишь тогда, когда знает, что увидит желаемое. У меня не было цели, за достижение которой я бы хотел сражаться; тогда я не знал, что всецело нуждался в том, что бы могло изменить меня, или в тех, кто бы мог сделать это.

На самом деле, хоть и немного, но я менялся. Изменение есть великая функция жизни. Выражаясь вернее, поправлюсь, что жизнь и есть функция, производные которой являются её изменениями и скоростями этих изменений. Разочарование охватывало меня, когда я видел каждый день, и год, и десятилетие неменяющегося приятеля. Жизнь его я представлял как пробуждение в одно и то же время в одной и той же кровати, одну и ту же дорогу к одной и той же работе, одни и те же места и одни и те же люди, разговоры, возвращения, желания, стремления, как периодическую жизнь без изменений и развития, без взрывов, в которых я нуждался. Но я бы скорее умер, чем жил бы так, и смешался бы с мёртвой природой: даже она движется, пока время бежит и бежит в бесконечном пространстве. Однако её движение медлительно относительно моего бега, и непонятно, кто в итоге победит: я или, к примеру, огромная гора: гора растёт сквозь полёт миллионов лет, когда я, маленькая горошинка организованный материи, успел бы за это время прожить больше десяти тысяч раз. Ещё снега не будет на самой её вершине, когда мне стукнет десять в десятый раз; и вот лавина скатится по клону, когда могила моя давно уже будет виднеться у её подножия, и склонит камень, на котором будет выпарапано мной же моё имя, к земле. Разница между нами состоит лишь в том, что гора бессмертна, а я живой. Вот такие непонятные сравнения я любил придумывать в молодости.

У моего родного городка не было бухты, которая могла бы обнять меня, возвращающегося домой. Верно, когда у человека нет опоры, чтобы твёрдо стоять, ему легко парить высоко, но любой должен понимать: в неизбежном случае падения не будет никого, кто бы мог поймать, мягко опустить на землю и просто помочь.

III

Я сошёл на берег и с каким-то подобием улыбки на лице начал осматривать освещённый солнцем порт. Было тепло, прохладный ветер качал деревья, ватные облака сгущались, волны тихо бились о края кораблей. За день до прибытия мне позвонили, сказали, что один человек будет ждать меня, и чтобы найти его, я должен буду пройти немного влево, в сторону города, по набережной, а затем подняться по главной широкой каменной лестнице к дороге. Там, в парке, у фонтана, должен быть тот самый человек.

Всё в окружении двигалось стремительно; я шёл медленнее всех, пытаюсь запомнить здешние виды. Приподнимая в воздух чемодан, я принялся покорять ступени.

Спустя несколько минут журналист Роберт Поул пожимал мне руку. Высокий, сильный на вид человек выглядел не как писатель, а как атлет. Встретить человека, написавшего ряд знаменитых статей, было удивительно; таких разносторонних людей, как Поул, я знал немного, и они точно заслуживали моё уважение: мне казалось, они были способны добиваться любых целей, имея крепкую волю. Воля – опора для начала достижения; по крайней мере, она избавляет от ненужных мыслей, коих у меня было слишком много. Итак, я шёл к офисам редакции рядом с загорелым дружелюбным человеком, которого я совсем не знал.

– Роберт, почему редактор написал мне письмо? Неужели он не умеет пользоваться телефоном? – спрашивал я.

– Умеет, но предпочитает общаться с глазу на глаз или отправлять письма, если собеседник далеко, – отвечал Поул своим твёрдым голосом, не никак оценивая мою шутку.

– Я и представить не мог, что на этой неделе буду путешествовать по воде; весьма экстраординарно с вашей стороны было предлагать билет на лайнер, – я пытался вязать диалог, чего очень не любил, однако молчание в ту минуту разгневало бы меня.

– Согласен, очень необычно для новичков. Но Роф хочет, чтобы что-нибудь необычное расширяло наш писательский кругозор. Почему бы не добраться сюда на корабле вместо того, чтобы в очередной раз наблюдать зелёные и голубые покровы Земли через маленькое окошко в самолёте?

– Может быть, потому что я никогда не летал.

– Ничего, ещё налетаешься, работая с нами. К сожалению, вряд ли тебе представится возможность переплыть океан во второй раз, так что запомни свои впечатления. Мистеру Рофу, как и многим из нас, нравится читать лишь то, что написано с по-настоящему прочувствованными впечатлениями, – важно заявил Роберт.

– Где он нашёл подобное в моих статьях? – спросил я. – Читал ли он вообще? В письме он ни слова не писал о моих работах.

– Во-первых, я ничего не говорил о статьях. Я имел в виду только книги, созданные нашими писателями. Во-вторых, в твоих работах чувствуется искренность – то, в чём нуждается компания. Странно, что ты пишешь без эмоций. Мы ведь говорим о музыке всё-таки!

– Как по мне, вполне правильно смотреть на вещи прямо. На закате я бы не стал петь о том, какой он прекрасный, потому что это только движение относительно нас Солнца, огромной круглой звезды, и лишь вращение Земли, большой круглой планеты. Красиво, конечно, но не значимо.

– Возможно, было бы лучше, если бы ты прилетел на самолёте. Может быть, полёт испугал бы тебя. – Роберт перевёл тему разговора так, что я не смог вовремя притормозить и врезался в молчание.

Бухта осталась позади; мы шли пешком по велосипедной дорожке рядом с шоссе. Впереди виднелся город, редакция находилась где-то неподалёку, на окраине. Небо затянуло блеклыми серыми тучами, стало пасмурно. Чтобы не попасть под дождь, мы ускорили шаг.

Поул разговаривал, улыбаясь светло, но немного отстранённо, внимательно смотрел на дорогу. Множество автомобилей проезжало мимо нас, множество тревожных водителей, постоянно гонящихся за чем-то, множество людей, пытающихся почувствовать момент жизни, но у которых не получается, потому что они не могут остановиться, уносится далеко от нас. Их движение казалось мне ложным, бессмысленным. Сейчас они поймут время, а завтра упустят его. До того времени, как наступило лето, у меня не было ничего, что могло заставить меня мчаться к себе на полной скорости.

Казалось, Роберт хотел рассказать мне что-то, но не имел на то разрешения. Чувство, что я попал в какую-то странную игру, раздражало меня.

– Наша цель на горизонте? – спросил я, шагая по широкой улице и узнавая великое здание About The Sound Company. «Да», – коротко ответил Роберт, когда человек в чёрном костюме вдруг выбежал из-за дверей. Он спешил, и из его прямоугольной сумки вываливались листы бумаги. Он не сразу заметил пропажу листов, но, оглянувшись, побежал обратно и поднял каждый из них с каменного тротуара. «Смотри, это Дэйв Роф – директор компании, главный редактор, знаменитый писатель и просто отличный человек», – представил его Роберт.

Меня смутило выражение «отличный человек» без сопутствующих ему интонаций, лишь с нотками сарказма. Я накануне думал о нашем человеческом беге, и вот передо мной предстал бегущий человек, который должен был ждать меня, чтобы поговорить со мной о работе в компании и составить контракт. Через несколько секунд он исчез за высокими офисными зданиями на улицах города. Мы находились в чистом, красивом месте: слева сиял парк, справа растянулось широкое авеню, редкие машины прокатывались тихо по ровным дорогам, всё застыло в спокойствии. К тому же, после того как во время нашего пути с неба попадало несколько капелек воды, тучи уплыли, и всё вокруг осветилось в лучах солнца. Стоя в тени на лестнице перед главным входом, я видел пустую площадь, где начинался парк с его высокими деревьями, одетыми в ярко-зелёные кроны. Тем временем Роберт достал сигареты.

– Хочешь? – предложил он.

– Нет, спасибо.

– Послушай, Тоби. Мне пора. Ты можешь пойти со мной, и я покажу тебе редакцию. Или ты можешь остаться здесь и подождать, пока Роф не вернётся.

– Я останусь. Ты знаешь, куда он побежал?

– Наверное, на вокзал. Его сестра должна покинуть город сегодня. Что ж, я пошёл.

Он поднялся по ступеням и скрылся за дверью. Как это обычно бывало, я остался в одиночестве. Я решил спуститься в парк и подождать там. Я вышел из тени, перешёл пустую дорогу и скрылся среди деревьев. По краям гранитной дорожки стояли скамейки, я присел на ту, что была освещена солнцем, с которой был виден вход в здание. Я крайне не любил ждать, но мне нравились такие моменты, когда не нужно было никуда спешить. Лёгкий ветер играл с листьями, июньские лучи солнца уже грели; они светили на меня, человека с жалкой жизнью, которую он до того переломного момента начинал ненавидеть.

Я устал от неё. Не скрою, иногда она была интересной, но мне нужен был смысл или хотя бы какая-нибудь стоящая цель. Я понимал, что и смысл, и цель мне негде искать, кроме того мира, который образовался внутри меня; и где же ещё? Тогда я не осознавал, что там меня ждала мечта, и мне стоило разглядеть её внутри себя, чего я не делал это и не пытался сделать. Люди появились на земле и теперь живут вместе, со своими порядками и правилами, ищут смысл в неизведанном, там, где смысла вовсе может не быть, или, конечно же, ничего не ищут. Но смысл есть лишь в самих нас, мы живём по его принципам. Мысли мои снова качались, тогда я размышлял и о том, что все мои жизненные повороты были когда-то пережиты предками, другими людьми; что человеку порой не по силам подчинить себе все условия жизни для достижения своих целей; что, с одной стороны, если мы заглянем в жизнь людей глубже, то обнаружим огромное множество линий, влияний одних событий на другие, множество усло-

вий, которые либо позволяют событию произойти, либо не позволяют, и у нас нет власти над ними; что, с другой стороны, если посмотреть свысока, мы увидим один ход человечества, подчиняющего себе условия мира, и тогда человеку остаётся только побороть себя и начать биться за достижение своих целей, чтобы не оказаться в течении или чтобы плыть туда, куда считает нужным плыть. Поэтому я всегда сражался за то, к чему, бывало, стремился. Однажды я выбрал смысл и цель. Мой молодой разум когда-то решил, что смысл существования его хозяина состоит в сохранении и развитии знаний, моральных принципов, совести, доброты, то есть всего того, что позволяет человеку творить, создавать для людей, взлетая выше и выше. Всё это я осознавал на своём скудном чувственном уровне, и примечательно, что этим-то развитием я не занимался, а жил согласно ощущениям. Все те стремления существовали во мне до знакомства с реальностью и её противоречиями, но о них я не желал думать, не желал также принимать их. Противоречия; вся молодость в них, а также в скитаниях, вопросах, неизвестности, требованиях точных выводов и заключений; хотя – что молодость? – вся жизнь состоит в этом!

Что касается цели, то я долго выбирал её. В разное время важность цели выглядела по-разному, но, в конце концов, я решил одно: искать правду и истину и итоги своих поисков излагать на бумаге, – поэтому, выбрав её, я стал писателем. Передо мной раскинулось неизведанное, и я не мог не окунуться в него, не испробовать, не нарисовать его. Мне захотелось встретить в своей жизни всё, что казалось мне тем, что изменит меня в лучшую сторону. Я много размышлял о том, чем же это может оказаться, но при рассуждениях голова снова утонула в боли, которая немного успокаивалась, когда я писал или сочинял; в таком безнадёжном положении я окончательно увидел себя пишущим человеком.

Смысл и цель уже тогда были очень туманными и едва ли разумными. Такой же туман образовался в уме моём в тот сладкий момент в парке. Солнце садилось, деревья оставляли тени, и в этих окаймлённых золотом тенях я погрузился в сон.

IV

В десять часов вечера Роберт обнаружил меня в парке и, предварительно разбудив своего будущего коллегу, отвёл меня в офис мистера Рофа. Отворив большие стеклянные двери, мы оказались в светлом и красивом холле, где отыскиали лифт и вошли в его кабину. Она была пуста, вдвоём мы домчались до девятого этажа; между стеклянными перегородками не было людей: видимо, в тот час все уже были в своих уютных домах. Мы шли по коридору этажа, где всё окружение застыло в стиле: стеклянные окна, столы, часы, компьютеры, печатные машинки – и создавало приятную и интенсивную рабочую атмосферу. Никого не было, поэтому большинство стеклянных стен скрывали свои комнаты за жалюзи. Мы подошли к центральной двери. «Входи, мой друг, а я поплечусь домой. Всего хорошего...» – прошептал усталый Роберт.

– Можно войти? – спросил я, истинный англичанин, приоткрывая дверь.

– Да, конечно! – ответил мне кто-то весьма молодым голосом. Я удивился: директор оказался ещё совсем молодым привлекательным человеком невысокого роста со светлыми волосами и короткой стрижкой. Я посмотрел в его серые глаза, подумав, что ему не больше двадцати пяти лет и что мы почти ровесники. Он поднялся из-за стола, на котором лежали ручки, карандаши, стопки бумаги, кейсы, документы, и вяло протянул мне руку.

– Я искренно извиняюсь, Тоби. Слишком неуважительно с моей стороны было заставлять тебя столько ждать, – произнёс он тихо.

– Не волнуйся, всё в порядке, – сразу перешёл я на «ты»; впрочем, как и он при моём появлении.

– Однако я бы хотел отложить наше знакомство и отпустить тебя до утра, но, видимо, не могу этого сделать, потому что придётся поручить тебе работу уже завтра.

Он показал мне контракт, я внимательно пробежал глазами его строки, снова удивился, так как условия были превыгодными даже для журналиста высокого уровня, не то что для меня. Я не требовал огромных денег, но в тот момент они сами готовились лезть в мои карманы, и это и настораживало меня, и было несколько противно мне. Минут десять мы обговаривали условия, показавшиеся мне вполне адекватными: поездки, встречи, работа в любом месте и, главное, готовые статьи в указанный срок. Нет статьи, следовательно, нет публикации, а значит увольнение; всё было справедливо. Однако я не ожидал получить задание сразу же после подписания контракта:

– Так что за работа?

– Ты слушал Blue Flying? – быстро спросил Роф.

Blue Flying... Настоящий пронизывающий space-rock, весьма неизвестный в наше время, с которым меня связывали путешествия по просторам вселенной с музыкой этой потрясающей группы. Я любил их музыку, которая, имея в своих звуках мощь, заставляла чувствовать одиночество, холод, и любовь, и тепло в широких и жестоких пространствах неба, полей, пустынь, океанов и вселенной. Яркие образы складывало их и живое, и мёртвое звучание. Я подумал: «Сейчас я жду нескольких слов, которые сделают меня...»

– Да, мне нравится слушать их, – наконец-то ответил я, очнувшись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.